

Н.А.Кащей

РИТОРИКА РАННЕГО АБСОЛЮТИЗМА (БАЛЬТАСАР ГРАСИАН-И-МОРАЛЕС)

Статья посвящена определению места риторики в жизни становящегося самодержавия. Риторика рассматривается как инструмент социально-политического самоутверждения в специфических условиях королевского двора. Эти ее функциональные характеристики иллюстрируются на примере сочинения «Карманный оракул» Бальтасара Грасиана. Анализ придворной риторики мы попытаемся осуществлять не только с позиций неориторики, но и прибегаем к новейшей риторической традиции уже XXI века, по крайней мере, начала его первого столетия, антропологической риторике и ныне модной философии повседневности. Потому что объектом нашего рассмотрения выступает не столько политическая речь как таковая определенной эпохи, сколько речь в ее особом исполнении определенным человеком, этот говорящий человек — придворный, каким он предстает или должен предстать в работах Б.Грасиана.

Ключевые слова: мнение, власть, риторика, ранний Абсолютизм, риторическое самоутверждение, риторическое изящество, школьная риторика, коммуникативная элегантность, Бальтасар Грасиан

При дворе эпохи становящегося абсолютизма процесс становления практической политики и риторики находится в начальной стадии развития, ход которого формирует система стратегий речи, соединяющие классическую риторику с зачаточными принципами деятельности специалиста по рекламе, в которой речь понимается как форма поведения, текст как форма действия, разговор как возможность держаться с другими в определенных социальных рамках и приводить его к необходимому значению. Напротив, в традиционной классической риторике, текст объясняется как продукт, который производится по отточенной модели. Процесс текстового изготовления осуществляется по известной схеме: *inventio*, *dispositio*, *elocutio*, *memoria* и *actio*. Образ действия университетски образованного ритора и шел по обозначенной схеме: сначала он должен заботиться о нахождении аргументационного материала, которому придает некую сырую форму, затем на втором шаге ищет его глубинную структуру. На третьем шаге эта глубинная структура переводится в структуру поверхности, предается подходящая внешняя форма, правильная одежда, соответственная поверхность. Собственно этим подготовка ритора XVII столетия и заканчивалась. Так как оба последних шага, которые касаются собственного непосредственного результата дела: *memoria* и *actio*, не играют, как известно, в учебниках того времени почти никакой роли.

Подчиненное значение аспектов посредничества в университетской риторике имеет свои конкретные причины, которые кроются, в конечном счете, в изоляции дисциплины по отношению к политико-социальной реальности. Правда, в школах XVII столетия уже были приняты упражнения по *memoria* и *pronuntiatio* — декламация и школьные театры являются только вершиной всей системы упражнений, но, очевидно, выученные там речевые способы и формы речи не соответствовали запросам реальности и своим собственным законам. Все установленные риторической моделью шаги были полностью систематизированы, достаточно вспомнить топику, теории аффекта и частей речи, статусов и систематику тропов и фигур. Эта внутренняя систематическая связь полностью отсутствует в организации переписки и других руководствах практики.

Мы имеем, с одной стороны, занятую непосредственным подбором традиционных примеров из актуальной практики, казуистику без системы а, с другой стороны, отточенное, сверх структурированное, системное, тонко дифференцированное здание классической школьной риторики, теорию без практики. Обе стороны так и существуют порознь вплоть до середины XVII столетия. Дипломированный в традиционном смысле ученый, несмотря на его университетское риторическое образование едва ли мог долго продержаться в новой среде двора. С другой стороны, речи не может быть о том, что «практика без теории» противостояла этой «теории без практики» в сфере придворной политики. Перспектива была несколько иной: «речь идет о языковом поведении, а не о производстве текста, о практике, а не о теории, описывающей производящее действие, которое само на себя замкнуто и тело которого есть по ту сторону лежащий продукт, отточенный текст» [1, с. 17].

В рамках такого «текстового способа мышления» университетски образованный ученый — ориентированный на материал и на продукт — обречен, он делает на скользком паркете двора маловыразительные фигуры, поскольку здесь все снова и снова зависит от того, чтобы действовать быстро и находчиво; где невозможно в большинстве случаев, взять обратно свои собственные официальные речи и документы, чтобы отшлифовать новый текст; где все зависит скорее от того, чтобы с легкостью и элегантностью разрешать возникающие проблемы, прибегая к языковому искусству. Это дает основания для возникновения разнообразных критик педантизма и множества сатир учености, которые как раз в XVII веке были очень распространены.

Важнейшим фактором, начиная с XV века, развития западноевропейской придворной риторики становится чрезвычайно усложнившийся церемониал королевских дворов, законодателями моды здесь выступают сначала испанские и бургундские ритуалы, затем с развитием абсолютизма главную роль начала

играть Франция. Появляются многочисленные пособия по придворному этикету [2, с. 114], который становится настолько сложным, что появляется специальная должность церемониймейстера, следившего за выполнением всех его тонкостей и строжайшим образом регламентировавшего всю дворцовую жизнь. Члены семьи монарха и придворные должны были в определенный час вставать, точно указывалось, кто должен был присутствовать при одевании монарха, подавать предметы его туалета, сопровождать его во время прогулки и т.д., было точно определено, как проходили церемонии аудиенции, торжественных выходов, прогулок, обедов, балов. Пышные обряды сопровождали рождение, брак и смерть при королевском дворе, чем выше ранг, тем более сложным был ритуал.

Если поменять перспективу и рассмотреть феномен речи в контексте церемониальных процессов при дворе периода абсолютизма, то оказывается, что шансы для чисто языкового способа привнесения необходимого значения не были благоприятны. При классификации отдельных элементов придворного церемониала можно выделить 3 группы: а) визуальные формы (искусство убранства стола, торжественная архитектура, аллегорические изображения искусств и т.п.); б) недискурсивные формы, однако процессуальные по своему характеру (музыка, опера, балет, приемы и т.п.); в) дискурсивные формы (речи, клятвы, проповеди и т.п.)

Речь по отношению к остальным формам имеет три основных недостатка. Она не реализует никакого передвижения в пространстве (как то происходит в балете или на приеме). Если, например, какой-либо тайный советник что-то говорит, то в пространственно-визуальном плане почти ничего не происходит. Во-вторых, вообще прозаическая речь по сравнению с орудийными залпами, фейерверком и оперой эмоционально и чувственно мало привлекательна. В-третьих, вероятно, наиболее отягчающий фактор, что речь только в незначительной степени была предназначена представлять соответствующие социальные иерархии. Уже при 2 или 3 различиях в социальных рангах титулы и формы обращения обозначались эпитетами, которые не очень прозрачно выражали социальную структуру общества. Конечно, местонахождение за столом, порядок выхода или въезда могут более наглядно и дифференцировано представлять социальную иерархию, эта причина того, что они кажутся достовернее описаний и церемониальных документов.

Все-таки недостатки прозаической речи компенсируются отчасти эксплицитностью слова, прежде всего, в церемониальных процессах, сама вербальная природа которых строится, в конечном счете, на лесах коммуникативно-правовых актов, безусловно, речь здесь играет главную роль, например, при почтениях, в различных советах, но и также на свадьбах и похоронах. В перспективе прозаическая речь предназначена стать более прогрессивным способом обеспечения генетических и идеологических связей в пределах церемониального процесса и, исходя из этого, остается, в целом, необходима, как для обеспечения хода, так и одновременно взаимосвязи элементов церемонии. Снова и снова находятся в лексическом словаре церемониального процесса фразы, которыми церемониальная машина может быть повернута в необходимом направлении только откликом, приветствием, похвалой и т.п.

Грасиановский «Карманный оракул» — некий житейский «подручный советник» (*Oraculo manual* — буквально «Подручный оракул») для Благоразумного, изощренного в делах, для всякого желающего стать личностью, способного ею стать — появился в 1647 году как собрание афоризмов из его писем и более ранних произведений. Работа имела европейский успех, большая часть афоризмов вошла во французский перевод, который появлялся под названием «Придворный», что, несомненно, отчетливо подчеркивает социальные отношения существующие в системе двора.

Уже по своей форме труд демонстрирует, что собственно следует ожидать от языкового поведения придворного. Это краткий, иногда несколько превратный способ выражения, придворный никогда не будет многословен и всегда думает, о чем говорит. 160 афоризм, как раз, и выражает в заостренной форме грасиановскую модель языкового отстаивания своих интересов в конкурентно плотной социальной структуре двора XVII века: «Быть осторожным в беседе: с соперниками — из опаски, с прочими — из приличия. Выпускать слово легко, да поймать трудно. В разговоре, как в завещании, — меньше слов, меньше тяжб. Беседуя о пустяках, прощупывая почву для дел поважней. В скрытности есть нечто божественное. Кто в беседе легко открывается, того легко убедить — и победить» [3, с. 37].

Очевидно, что речь идет здесь об устной коммуникации; и понятно, что ситуационные отношения должны находить удовлетворительное риторическое разрешение: придворный своего рода механик, сборщик устной речи, находящийся в постоянном экзистенциальном поиске необходимого значения. Ни одна из речей, будь то даже салонная беседа, не может, как это было в античном обществе, протекать в парадигмальном режиме определенной формы проявления языковой культуры, салонная беседа отнюдь не чисто игровое занятие на досуге. Вообще-то придворный должен соблюдать не простой баланс: казаться интересным, но не сверх усердным; хорошо продавать все одежды, в которые рядится, но не оставаться голым. Это искусство самых высоких претензий, сродни музыке — сыграть собственную индивидуальность [4]. Элегантность презентации самого себя, игривая самоинсценировка призваны скрывать то, что происходит на самом деле. «Все уже достигло зрелости, более всего — личность. Нынче от одного мудреца больше требуется, чем в древности от семерых, и в обхождении с одним человеком в нынешнее время надо больше искусства, чем некогда с целым народом». Так звучит основной принцип «Карманного оракула», афоризм № 1.

Стандарты высоки и им должны соответствовать претензии. Не может позволить себе индивидуальность преподносить сердце на языке; он должен скрывать свои аффекты - придворный вариант неостоицизма - и

завуалировать свои намерения, никаких желаний: «Никогда не раздражаться: Важное правило благоразумия — не выходить из себя. Большое самообладание говорит о большом сердце — душу великую нелегко стронуть с места. Страсти — гуморы духа; их избыток причиняет недуги благоразумия, и ежели недуг выходит через уста, в опасности добрая слава. Итак, умеи владеть собой, дабы ни в счастье, ни в несчастье тебя не осудили за несдержанность, но дивились бы высоте духа» [3, с. 15].

И так для придворного имеет непреходящее значение: «Никогда не спеши и не горячись. Научись властвовать собой, тогда будешь властвовать другими» [3, с. 16]. Здесь Грасиан двигается дальше, находит новый придворный вариант старых риторических принципов, постулирует, что нужно обладать аффектами не только, чтобы бы их подавлять в себе; нет, придворный должен обладать ими как актер. Отсюда необходимо, например, знать хорошо искусство гнева, чтобы можно было бы использовать аффект стратегически и в то же время уметь сдерживаться: «Будь искусен в гнев. Коль возможно, пусть трезвое размышление предотвратит грубую вспышку — для благоразумного это нетрудно. Только обуздывая страсть, сохранишь над нею власть — и тогда ты будешь первым «благоразумным на коне», если не единственным» [3, с. 36].

Само собой разумеется, придворный должен исходить из того, что также его конкуренты располагают этими знаниями и исполнительскими навыками. Не обращать на это внимание было бы опасно. Вывод автора «Карманного оракула» — необходимо высоко развитое искусство наблюдения за людьми: «Подвергать пробе. Немалый ум требуется, чтобы понять чужой ум, — пусть проницательность разумного тут состязается со сдержанностью скрытного. Важнее разбираться в видах и свойствах людей, чем трав и камней. Это одно из самых тонких житейских искусств; металл узнается по звону, человек по слову. Порядочность обнаруживается в речах, но куда вернее — в делах. Тут надобны внимание преострое, наблюдательность неустанная, тонкая притворливость, трезвое суждение» [3, с. 63].

Речь — это важный признак для познания человека, возможно уже завтра конкурента, способного погубить карьеру; слово относительно, отсюда наблюдение должно быть положено в основу всех отношений. Теперь риторика придворного вследствие глубокого недоверия и негативной антропологии требует соответствующей герменевтики и превращается в поведенческую науку, которая приобщает к своему арсеналу также психологию, артикуляцию, мимику и другие невербальные формы выражения мысли и душевного состояния: «Учись разгадывать выражение лица, по внешним признакам читать душу» [3, с. 60]. В силу этой релятивности слова в понимаемой по-грасиановский риторике появляются искусства сдержанности, скрытности, лукавства и уступок (см. афоризмы №№ 179, 181, 210, 246).

То, что Грасиан защищает лапидарную *argutia*-риторику (*argutia* (лат) — *выразительность, живость; подвижность, жесты, жестикация; остроумие, острота, тонкость; хитрость, хитросплетения, крючкотворство*), едва ли нуждается в специальном разъяснении, к тому же он опубликовал на эту тему письмо (*“Agudeza y arte de ingenio”* 1648). В «Карманном оракуле» характер обозначенной риторики проявляется во многих местах, и преимущественно ее необходимость обосновывается условиями социальной структуры. Так афоризм № 105 рекомендует «не быть надоедливым», поясняя это следующим образом: «Разумный не станет докучать, особенно — особам важным; ведь они всегда заняты, одного такого разгневать опасней, чем целый мир. Сказать метко — сказать кратко».

В целом можно заметить, что придворная риторика, как ее понимает Грасиан, встроена в высшей степени пессимистичную социальную антропологию, антропологию без иллюзий, цинично называемую благоразумной моралью, такого рода риторика очень подозрительно относиться к слову, особенно устному. Речь идет о риторике предотвращения, обуздания и утаивания, о риторике как стратегии социального и политического самоутверждения, идеал которой не в словоохотливом освобождении потенциала убедительности, а в языковой дисциплине; «чистая лингвистика», по видимости, является центральным принципом этого замкнутого и вместе с тем также одинокого субъекта — придворного эпохи абсолютизма — для которого нет и не может никакой дружбы и привязанности (см. афоризмы №№ 260, 222).

Таким образом, придворный использует, как это и рекомендует Грасиан, весь репертуар рафинированно-косвенной коммуникации, которая учит его, чтобы он исключал на своем пути любые конфронтации, способные навредить, чтобы он наносил удары конкуренту, находясь вне зоны действия последнего, и что более важно особенно в поздней фазе развития придворной речевой культуры (даже целые книги по этой теме появлялись): не выглядеть смешным.

Заложенная риторическая модель, при всем благоразумии, в целом носит чисто оборонительный характер и очень тускло окрашена, что, вероятно, обусловлено контекстом испанского абсолютизма. Субъект, которого рисует автор «Карманного оракула», стремится к тому, чтобы замуровать себя, не позволить проявиться своей истинной сущности, и застраховаться от другого как от несчастного случая. Словно все перенесено из гоббсовского естественного состояния «войны всех против всех» в область человеческой цивилизации, в область придворной культуры.

Что собственно никакая коммуникативная общность не может быть построена на такой концепции, следует ожидать: «Действовать, исходя из умысла, то второго, то первого. Жизнь человека — борьба с кознями человека. Хитрость сражается, применяя стратагемы умысла: никогда не совершает то, о чем возвещает; целиться так, чтобы сбить с толку; для отвода глаз искусно грозит и внезапно, где не ждут, разит, непрестанно стараясь обморочить. Явит один умысел, дабы проверить соперника помысл, а затем, круто повернув, нападает врасплох и побеждает. Ум проницательный, однако, предвидит ее происки, следит за нею

исподтишка, усматривает противное тому, в чем уверяют, и в миг узнает обманый ход: переждав атаку первого умысла, ждет второго и даже третьего. Заметив, что ее раскусили, злокозненность удваивает усилия, используя для обмана самое правду. Иная игра, иные приемы — теперь хитрость рядиться в одежды бесхитростности, коварство надевает маску чистосердечия. На помощь тогда приходит наблюдательность; разгадав дальновидную цель, она под личиной света обнаруживает мрак, изобличает умысел, который, чем проще кажется, тем пуще таится. Так, коварные тучи Пифона борются со светозарными лучами Аполлона» [3, с. 7].

Итак, риторическая модель стратегического благоразумия, как публичная модель, приходит в тупик. Тем не менее это не заглушило того очарования, которое она вызвала во всей Европе. Как функциональный анализ коммуникации и одновременно социальной конкуренции в базовой социальной конфигурации двора он имел далеко идущие последствия и был проделан чрезвычайно остро, как раз свойственные работе иллюзии, скорее всего, и послужили ее успеху.

Как известно, «Карманный оракул» вышел в свет в России в 1742 году. Однако нужно помнить, что в России в отличие от Европы не было длительного периода схоластики с ее умозрительностью и гимнастикой ума, почва для риторизации языковой практики, формирования риторического идеала и образа благовоспитанного человека была специфической. Хотя эпоха петровских преобразований и вызвала к жизни серию блестящих руководств по ораторскому искусству основанных на латинской традиции, таких как: «О силе риторичей» Софрония Лихуды основателя греко-римской академии, «Риторика» Михаила Усачева и др., но основным инструментом регулирования публичной речи были правила бытового поведения, зафиксированные в различных пословицах и поговорках, изречениях и афоризмах, знакомясь с которыми человек формировал образ своей речи [См.: 5]. Более того за этой традицией стоит определенная философия и мировоззренческая установка, в частности, исихазм со своим «смирennemудрием», которые рекомендовали определенный образ оратора, тип речевого поведения и общения с аудиторией. Европейское эlegantное благоразумие преследует главным образом практические цели овладения средствами языкового выражения — красноречием, формирующаяся отечественная риторика, помимо задач овладения красноречием, ставит целью развитие мысли в речи. Именно так понимает основы своей риторики М.В.Ломоносов, поэтому риторический идеал при русском дворе менее психологичен и более рационален.

1. Kopperschmidt J. Rhetorische Anthropologie: Studien rhetoricus Zum Homo. Munchen: Fink, 2000. S. 404.
2. Braungart G: Hofberedsamkeit. Studien zur Praxis höfischpolitischer Rede im deutschen Territorialabsolutismus. Tübingen: Niemeyer, 1988. 327 S.
3. Грасиан Бальтасар. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1981. 274 с.
4. Музыкальная эстетика западноевропейского средневековья и Возрождения, М.: Музыка, 1966. 574 с.
5. Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 558 с.

References

1. Kopperschmidt J. Rhetorische Anthropologie: Studien rhetoricus Zum Homo. Munchen, Fink, 2000. S. 404.
2. Braungart G: Hofberedsamkeit. Studien zur Praxis höfischpolitischer Rede im deutschen Territorialabsolutismus. Tübingen, Niemeyer, 1988. 327 S.
3. Grasian Bal'tasar. Karmannyy orakul. Kritikon [The Pocket Oracle and the art of prudence]. Moscow, 1981. 274 p.
4. Muzykal'naya ehstetika zapadnoevropeyskogo srednevekov'ya i Vozrozhdeniya [Musical aesthetics of the Western European Middle Ages and Renaissance]. Moscow, 1966. 574 p.
5. Lotman YU. Besedy o russkoy kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka) [Conversations about the Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (18th — early 19th century)]. Saint Petersburg, Iskustvo Publ., 1994. 558 p.

Kashchei N.A. Rhetoric of early Absolutism (Baltasar Gracián y Morales). This article defines the place of rhetoric in the life of the emerging autocracy. Rhetoric is seen as an instrument of social and political self-assertion in the specific conditions of the royal court culture. These functional characteristics are illustrated by the example of the "Pocket Oracle" by Baltasar Gracián. We will try to analyze the court rhetoric from the positions of neorhetoric, but we also resort to the new rhetorical tradition of the 21st century, at least the beginning of its first century, anthropological rhetoric, and the popular philosophy of everyday life. The paper aims to give a comprehensive account not of the political speech of a certain epoch, but of the speech of the courtier, as he appears or should appear in the works of B. Gracián.

Keywords: opinion, authority, rhetoric, early Absolutism, rhetorical self-affirmation, rhetorical grace, school rhetoric, communicative elegance, Baltasar Gracián.

Сведения об авторе: Н.А.Кашей — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; Гуманитарный институт; Nikolay.Kashchey@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 25.08.2018.